

**ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.**

Выпускъ 7.

Русский литературный языкъ

Подкарпатской Руси

и новая

грамматика русского языка

для среднихъ учебныхъ заведеній Подкарп. Руси.

Составленная

Е В. И. САБОВОМЪ,

предсѣдателемъ

О-ва Им. А. Духновича.

Цѣна 2 Кч.

1925

Типографія „Карпатія“ въ Мукачевѣ, Городская улица 5.

**ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.**

Выпускъ 7.

Русский литературный языкъ

Подкарпатской Руси

и новая

грамматика русского языка

для среднихъ учебныхъ заведеній Подкарп. Руси.

Составленная

Е В. И. САБОВОМЪ,

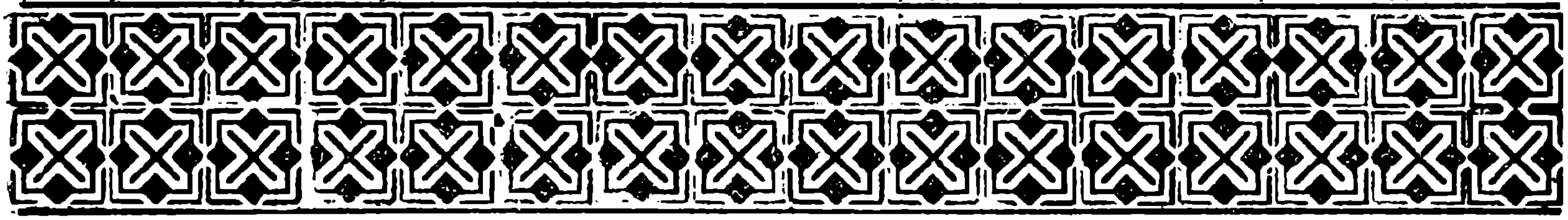
предсѣдателемъ

О-ва Им. А. Духновича.

Цѣна 2 Кч.

1925

Типографія „Карпатія“ въ Мукачевѣ, Городская улица 5.

Русскій литературный языкъ Подкарпатской Руси и новая грамматика русского языка для среднихъ учебныхъ заведеній Подкарпатской Руси.

I.

Наконецъ, на шестомъ году своего добровольного присоединенія къ родственной Чехословацкой республикѣ, Подкарпатская (по прежней терминологии — Угерская) Русь напечатала первую грамматику русского языка для своихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ послѣднее время въ ней не было ни одной грамматики, пригодной для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вышедшая въ 1922 году грамматика Ив. Панкевича является грамматикой не русского языка, употребляемаго въ Подкарпатской Руси, а грамматикой той искусственной „окремой“ (особенной) мовы, которую въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ десятилѣтій созывали въ угоду и на средства австрійского и германского правительства и польскихъ шовинистовъ близорукіе галицкіе сепаратисты и которую они теперь стараются перенести въ Подкарпатскую Русь. Грамматики же русского языка Кирилла Сабова 1835 года и Евменія Сабова 1890 года уже давно разошлись и и нѣсколько устарѣли. О грамматикѣ А. Волошина 1899 и 1907 гг. не приходится говорить, такъ какъ она по своей элементарности годилась только для народныхъ школъ.

Вышедшая теперь въ Ужгородѣ грамматика имѣеть заглавіе: „Грамматика русского языка для среднихъ учебныхъ заведеній Подкарпатской Руси“. Составлена подъ редакціей Ем. Ив. Сабова. Часть I. Этимологія. Ужгородъ. 1924“. Она издана Культурно-Просвѣтительнымъ Обществомъ имени А. Духновича въ Ужгородѣ и составлена подъ редакціей предсѣдателя этого Общества и автора грамматики 1890 года, о. Евменія Сабова. Ея предисловіе подписано президентомъ

Общества А. Духновича въ Ужгородѣ, предсѣдателемъ Общества Духновича въ Пряшевѣ и предсѣдателемъ Общества учителей. Поэтому приходится смотрѣть на нее, какъ на грамматику русскаго литературнаго языка Подкарпатской Руси въ томъ видѣ, какой онъ, постепенно развиваясь, получилъ въ произведеніяхъ карпаторусскихъ писателей послѣднихъ десятилѣтій А. Духновича и А. Поповича (въ позднѣйшихъ произведеніяхъ), Е. А. Фенцика, У. Метеора (И. Сильвай), Ставровскаго-Прападова и другихъ.

Для того, чтобы провѣрить правильность этого заключенія, познакомимся вкратцѣ съ исторіей русскаго литературнаго языка въ Подкарпатской Руси.

Литературный языкъ въ Подкарпатской (Угорской) Руси переживалъ въ общемъ тѣ же періоды развитія, что и въ остальныхъ частяхъ Руси, но только съ нѣкоторымъ опозданіемъ въ виду ея удаленности отъ культурныхъ центровъ Руси: сначало Кієва, а впослѣдствіи Москвы и Петрограда.

Первоначально, до конца 14-го вѣка, въ Подкарпатской Руси, какъ и въ другихъ частяхъ Руси, литературнымъ языкомъ былъ церковнославянскій языкъ русской редакціи въ его церковномъ и гражданскомъ употребленіяхъ. Церковный видъ церковно-славянскаго языка былъ языкомъ церкви, духовенства и высшей образованности, а гражданскій — языкомъ канцелярій, канцелярскихъ людей и текущихъ интересовъ. Огъ этого первого періода литературнаго языка могли сохраниться главнымъ образомъ только книги св. Писанія и богослужебныя.

Лѣтопись Мукачевскаго монастыря 1458 года, Толковое евангеліе села Скотарскаго 1588 г., Догматика 1598 г., Учительное евангеліе Федора Дулинковича 1673 г., Учительное евангеліе изъ Данилова 17 в. и др.¹⁾ написаны на церковнославянскомъ языкѣ западнорусской редакціи. Напечатанный въ 1698 году катехизисъ былъ переведенъ священникомъ І. Корницкимъ на церковно-славянскій языкъ западнорусской редакціи. Поэтому всѣ эти памятники относятся ко второму періоду русскаго литературнаго языка (съ концомъ 14 до конца 17 вѣка), когда, послѣ усиленія югославянскаго вліянія съ конца 14 вѣка, письменнымъ языкомъ былъ церковно-славянскій языкъ, добавлявшій къ церковно-славянской основѣ

¹⁾ Д-ръ Тіадоръ Стрипскій. Старша руська письменність на Угорщинѣ. 1907.

мѣстные русскіе элементы въ меньшей (въ церковной разно-видности) или въ большей степени (въ гражданской разно-видности).¹⁾ Къ этому же періоду надо относить и языкъ богословской школы, дѣйствовавшей съ 1744 года въ Мукачевѣ, а съ 1778 года въ Ужгородѣ.

Языкъ Катехизиса I. Кутки (1803 г.) и его послѣдователей (Држговича, Лучкаго, Михалича, Блудянскаго 1851 г., Мустяновича 1855 – 1856 гг.) допускаетъ въ церковно-славянскій языкъ вліяніе русскаго языка, не только мѣстнаго, но и литературнаго, вырабатывавшагося въ Россіи.²⁾ Этотъ языкъ въ извѣстной степени напоминаетъ языкъ югозападныхъ русскихъ ученыхъ, переселявшихся съ половины 17 вѣка въ Москву и начавшихъ тамъ сближеніе съверовосточной и юго-западной разновидностей церковно-славянскаго языка въ его церковномъ употребленіи, и относится къ концу второго періода русскаго литературнаго языка.³⁾

Со времена I. Чурговича (1791 – 1862 гг.) въ подкарпатской Руси усиливается вліяніе русскаго литературнаго языка, въ которомъ церковно-славянскія слова и формы стали, благодаря Ломоносову, замѣняться русскими, а рѣзкіе провинціализмы постепенно вытѣсняться. „Церковная Газета“, редактировавшаяся священникомъ I Раковскимъ и издававшаяся Обществомъ св. Стефана въ течеїe нѣсколькихъ лѣтъ (1856 г.), выходила на русскомъ литературномъ языкѣ. А Духновичъ (1803 – 1865), допускалъ въ своихъ произведеніяхъ для простого народа провинціальныя карпаторусскія особенности, въ произведеніяхъ для интеллигенціи и въ письмахъ,⁴⁾ особенно послѣдняго времени, употребляетъ чистый русскій литературный языкъ (Цыгане) и передѣлываетъ на него даже свои прежнія

¹⁾ О періодахъ русскаго литературнаго языка см. книгу проф. А. Д. Григорьевъ: Русскій языкъ. Введеніе. Исторія русскаго народнаго и литературнаго языка. Варшава. 1915. 133 стр.

²⁾ См. замѣченіе о языкѣ этихъ и послѣдующихъ карпаторусскихъ писателей въ „Очеркѣ литературной дѣятельности и образованія угро-русскихъ“ Е. Сабова (Христоматія церковно-славянскихъ и угро-русскихъ литературныхъ памятниковъ съ прибавленіемъ угро-русскихъ народныхъ сказокъ на подлинныхъ нарѣчіяхъ. Составилъ Евменій Сабовъ. Въ январѣ 1893).

³⁾ Проф. А. Д. Григорьевъ. Русскій языкъ. 147.

⁴⁾ См. его письмо 1862 года профессору Варшавскаго университета Ф. И. Іезберѣ (В. А. Францевъ. Изъ эпохи возрожденія Угорской Руси. Львовъ. 1902. „Научно-литературный сборникъ“ за 1902 г., стр. 6).

стихотворенія (Пѣснь земледѣльца весною). Такой же переходъ подъ конецъ литературной дѣятельности къ чистому русскому литературному языку мы видимъ у о. Андрея Поповича (род. въ 1803 году). А. Павловичъ пишетъ не только на говорѣ Шаришскѣхъ лемаковъ, но и на русскомъ литературномъ языкѣ (напр.: Воздыханіе, Вотъ я со старѣлся и др.), даже допуская дожившій до Пушкина въ русскомъ литературномъ языкѣ съверновеликоруссизмъ (имен. падежъ един. числа муж. рода безъ ударенія на ой: сѣрой, старой). На довольно чистомъ русскомъ литературномъ языкѣ пишетъ П. Яновичъ свои повѣсти (Цвѣтной Кошичекъ) и письма.¹⁾)

На рускомъ лигераторномъ языкѣ пишутъ свои произведения карпаторускіе писатели, объединившіеся вокругъ журнала въ „Свѣтъ“, выходившаго съ 1867 до 1871 года, и „Новый Свѣтъ“, выходившаго съ 1871 до начала 1873 года. Среди нихъ находились А. Митракъ, Урілъ Меторъ (I. Сильвай), Е. Фенцикъ (Владиміръ). Почти на чистомъ рускомъ литературномъ языкѣ написаны и проповѣди I. Артима (Наука Вѣры православно христіанскія. Будинъ 1868). На рускомъ литературномъ языкѣ печатается и новый журналъ „Листокъ“, издававшійся съ 1885 года въ теченіе 10 лѣтъ Е. Фенцикомъ. Изъ печатающихъ въ немъ свои произведенія авторовъ выдаются Е. Фенцикъ (Владиміръ), I. Метеоръ и особенно Ставровскій-Попрадовъ, соединившій хороший русскій литературный языкъ съ искреннимъ вдохновеніемъ поэта.

Если языкъ А. Духновича и его послѣдователей можетъ относиться къ третьему періоду русского лигературного языка, когда рускіе элементы возобладали надъ церковно-славянскими, то уже языкъ Е. Фенцика и Ставровскаго-Попрадова — вполнѣ можно отнести къ четвертому періоду русского литературного языка, начинающагося въ Россіи приблизительно съ 1817 года, то есть со второй эпохи литературной дѣятельности Александра Сергеевича Пушкина, когда русскій литературный языкъ сильно ограничилъ употребленіе церковно-славянскихъ элементовъ и замѣнилъ ихъ рускими.

1) См. его четыре письма О. И. Іезберѣ въ 1864 году (В. А. Францевъ. Op. cit., стр. 8—13).

Карпаторусские писатели вполне сознательно стараются писать на возможно чистомъ русскомъ литературномъ языкѣ. Уже I. Раковскій писалъ: „Наша Угорская Русь никогда ни на минуту не колебалась заявить свое сочувствіе къ литературному единенію съ прочею Русью.. У насъ, такъ сказать, никогда и вопроса не было по части образованія какого-нибудь отдѣльного литературного языка“. „Вѣстникъ для русиновъ Австрійской державы“ уже въ 1852 году настаивалъ на необходимости изученія и духовенствомъ Карпатской Руси русского языка „въ литературномъ объемѣ слова“. Въ то же время карпаторусские писатели были противъ начинавшихся попытокъ создать особый галицко-русскій языкъ. Такъ Раковскій привѣтствуетъ появление „Исторіи Галичско-Русского княжества“ Д. И. Зубрицкаго словами: „Предпринятое Вашимъ Высокоблагородіемъ дѣло на чистомъ русскомъ языкѣ у насъ съ торжественнымъ восторгомъ ревныхъ народолюбцевъ встрѣтилось, видя тѣмъ сдѣланный шагъ, ведущій къ истинному народному просвѣщенію и благополучію... Нѣши люди, можно сказать, ничего такъ ненавидятъ, какъ галимаѣи такъ называемаго галицко-русскаго языка, намѣряемаго нѣкоторыми ввести для письменности, откуда появление сочиненія Вашего Высокоблагородія, какъ прекратившаго темноту помянутой галимаѣи, уважается возсіявшимъ свѣтозорнымъ солнцемъ на небескомъ прояснивающейся угренней народности нашей“. Проф. Ужгородской гимназіи П. И. Яновичъ пишетъ въ 1864 году проф. Варшавскаго университета Іезберѣ: „У насъ и теперь кто пишетъ по русски, приблизительно къ велорусскому пишетъ:¹⁾ не испорчаетъ корней“.²⁾ — А. Духновичъ свое мнѣніе о письменномъ языкѣ въ Подкарпатской Руси выражаетъ такъ: „По простонародному изреченію: къ селу; въ изящной рѣчи: къ интеллигенту“. До самой своей смерти онъ учился русскому литературному языку и, чѣмъ старше былъ, тѣмъ чаще писалъ по русски“.³⁾ — Е. Фенцикъ, начиная издавать свой „Листокъ“, пишетъ въ 1885 году. „Мы того мнѣнія, что нашъ журналъ долженъ быти русскій, долженъ издаватися

¹⁾ Т. е. пишеть одинаково съ великоруссами, но произносить написанное по своему.

²⁾ В. А. Францевъ. Изъ эпохи возрожденія Угорской Руси. Стр. 4 и 8.

³⁾ Торжество въ честь памяти Александра Духновича. 1803—1928. Стр. 15—116. — Календарь „Собранія“.

на русскомъ языке.. Языкомъ нашимъ будеть общепринятый литературный русскій языкъ, образованный на основаніи церковно славянскаго. Всякую путаницу и мѣшанину въ этомъ взглядѣ бросимъ прочь, — поелику цѣль наша: образовати, назидати, а не путати, мѣшати и разрушати" (н-ръ 1). Во второмъ номерѣ „Листка“ Фенцику пришлось отвѣтить на сбвиненіе ужгородскаго корреспондента одной мадьярской газеты „въ томъ, что подъ предлогомъ народнаго просвѣщенія хотемъ дѣлать услугу объединенію славянъ“. Здѣсь Е. Фенцикъ такъ пишетъ: „Но онъ приводить и причину, для чего думаетъ такъ; эта причина находится въ томъ, что мы употребляемъ литературный русскій языкъ! Но ужъ на это необходимо должны мы отвѣтити. И такъ густъ знатъ корреспондентъ „Egyetértés“-а, что мы пишемъ тѣмъ языкомъ, которому обучали насъ въ свое время въ Унгварской гимназіи; тѣмъ языкомъ, которому обучаютъ безъ изъятія всѣ русскіе грамматики, явившіяся когда то во Венгріи, какъ-то грамматика Духновича, Сабова, Раковскаго; тѣмъ языкомъ, на которомъ издавались безъ изъятія всѣ газеты наши, какъ-то „Церковная Газета“, „Свѣтъ“, „Учитель“, „Новый Свѣтъ“, „Сова“, „Карпатъ“, на ксторомъ издавалась во время министра Этвеша и правительственная „газета для народныхъ учителей“ тѣмъ языкомъ, на которомъ пишетъ каждый сбразованный русскій человѣкъ... Что же касается того совѣта, чтобы писати на простонародномъ нарѣчіи, то на это отвѣчаемъ, что да, будемъ писати на простомъ нарѣчіи, если почтенный корреспондентъ а) скажетъ намъ, которое употребляти, Земплинское-ли или Ужанское, или Мараморошское, или Берегское, такъ какъ въ Мараморошѣ Земплинское никогда не узнаютъ за свое, б) если представить намъ какую-то простонародную грамматику или, по крайней мѣрѣ, гисьма двухъ простонародныхъ писателей, которые пишутъ однобразно. Это необходимо нужно, такъ какъ должна быти какая-то цинозура, какой-то образецъ, котораго слѣдуєтъ придерживатися. По нашему мнѣнію между днешними обстоятельствами писати на простонародномъ нарѣчіи можетъ лишь тотъ, что хочетъ путати, мѣшати и разрушати, а не тотъ, кому на сердцѣ лежить правдивое преуспѣяніе. Впрочемъ создати оғоографію для нашего языка это наше домашнее дѣло; и не примемъ уроковъ отъ такихъ людей, которые и того не знаютъ, что словарь Митраковъ есть тоже словарь

общепринятого литературного русского языка" (25—26 стр.). — Въ н-рѣ 4 „Листка“ одинъ изъ его сотрудниковъ П. Андр. Ч. высказываетъ такое мнѣніе: „чтобы школы наши приносили пользу, необходимо обучатися и народному языку, и то основанному на церковно-славянскомъ, на которомъ пишетъ весь образованный русскій міръ, и пособіемъ кото-раго станутъ для насъ вразумительны всѣ наши обряды и молитвы“ (57 стр.). На 117 стр. мы находимъ поясненіе этихъ словъ: „Кирилло-Меѳодіевскіе переводы такое рѣшающее вліяніе имѣли на образованіе русского языка, что даже само бросается въ очи, что литературный русский языкъ повсталъ изъ церковно-славянского, разумѣется, что воспринявъ въ себя жизнь и духъ разговорнаго языка (н-ръ за 1886 годъ).“

Дѣятели украинскаго движенія въ Галиції обратили свое усиленное вниманіе на Угорскую Русь съ половины девяностыхъ годовъ 19 вѣка. Особенко старался привлечь къ себѣ угорскихъ русскихъ русскихъ В. Гнатюкъ. Но старанія его быта безуспѣшны, какъ видно изъ отвѣтовъ, данныхъ ему угроруссами, знакомыми съ исторіей своего народа и языка и принижающими участіе въ развитіи карпаторусской литературы.

Д-ръ Симеонъ Сабовъ пишетъ Гнатюку 11 декабря 1895 года: „Но я уже тутъ на передѣ долженъ изѧвити, что я вашъ чоловѣкъ не могу быти, понеже мои начала съ взс-ромъ русской письменности a radice противныя суть тымъ, которыя общество Шевченка распространять старается... якъ и вы мали испытати, языкъ того общества намъ совсѣмъ чужій и непонятный есть, мы его не разумѣемъ. У насъ бы высмѣяли чоловѣка, если бы вашимъ исполненнымъ и испорченнымъ жаргономъ пробовалъ говорити, либо писати. Мы не меняеме наше нарѣчіе за вашу выкручену мову. То есть мы, доки насъ благизволить милосердный Господь подержати, останемся русскими и не перемѣнимся въ не русскихъ.“

Писатель Уріль Метеоръ (Сильвай) 7 ноября 1897 года пишетъ В. Гнатюку: „По сю сторону Карпата нѣтъ ни одного образованного русского чловѣка, который увлекался бы вашою самостійною правописью и самородными мріями. Понапрасну станетс вы утверждать ужъ хоть бы съ клятвою, что вы русинъ, васъ всѣ будуть считать полякомъ, портитеlemъ прекраснго русского языка. Издаваемой вами книги вы мнѣ не посытайте, мнѣ довольно муки причинило одно прочтение вашего самостійнаго письма, а не то еще цѣлой

самостійної книги. Между нами не можеть бути никакого общаго дѣла, потому оставьте меня въ покоѣ“.

Писатель Ставровскій-Попрадовъ въ письмѣ 17 мая 1897 года тому же В. Гнатюку указываетъ на радикализмъ украинской партіи, подрывающій привязанность русского народа къ церкви и духовенству, а далѣе пишетъ. „Ваша партія употребляеть и развиваетъ такой русскій языкъ, котораго ни украинскіе, ни галицкіе, ни угорскіе Русскіе не употребляютъ и трудно п нимаютъ; кромѣ того употребляется у Васъ орѳографія неестественная, наукою этимологіи и лингвистикѣ противная. Если бы Вы писали соотвѣтно правиламъ этимологіи и тысячелѣтнему преданию, тогда бы и Галичане и наши руснаки лучше поняли Весь. У насть употребляютъ языкъ и орѳографію Духновича, а Ваше нарѣчіе и фонетика намъ трудны и чужды. Если нашъ грамотный народъ читаетъ напримѣръ; „наріднїх діятелів“, то онъ думаетъ, что это писано по сербски, а не по русски.. Изъ этого слѣдуєть, что Вы всѣхъ насть, не принимающихъ Вашего радикализма и Вашей орѳографіи, считаете якбы врагами государства (т. е. Австро-Венгріи въ 1897 году). и что Вы стоите въ солидарности съ Поляками и даже подъ покровительствомъ Поляковъ, которые внушаютъ Вамъ всѣ эти высше изчисленные стремленія“.¹⁾

Такимъ образомъ мы видимъ, 1) что русскій литературный языкъ переживалъ въ Подкарпатской Руси тѣ же самыя ступени развитія, что и въ остальной Руси, но только съ нѣкоторымъ опозданіемъ; 2) что къ концу 19 вѣка карпато-русскіе писатели обычно употребляли въ своихъ произведеніяхъ и письмахъ общеruskій литературный языкъ, считая его своимъ, и старались въ своемъ письменномъ языкѣ не отставать отъ русскихъ классиковъ, и 3) что они вполнѣ сознательно и самымъ энергичнымъ образомъ отвергали попытки галицкихъ украинцевъ навязать имъ свой искусственный языкъ, созданный въ угоду австрійского и германского правительствъ и поляковъ и переполненный полонизмами, германизмами и искусственными словами.

Понятна поэтому та ненависть, съ которой карпато-русское образованное общество и простой народъ встрѣгли украинскую грамматику Панкевича и старанія ввести ее въ среднія учебныя заведенія Подкарпатской Руси. Въ этомъ

¹⁾ Літературно-Науковий Вістник. 1899. Книжка IX. Стр. 169, 170, 167—168.

карпаторусское образованное общество и народъ увидѣли желаніе оторвать подкарпатскихъ русскихъ отъ культурной связи съ остальнымъ русскимъ народомъ и насильственно навязать имъ чужой и непонятный имъ украинскій языкъ, искусственно сfabрикованный въ угоду врагамъ русского народа. Понятны поэтому старанія и усилия карпаторусскихъ образованныхъ людей выпустить для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Подкарпатской Руси грамматику того языка, который они признаютъ своимъ. Это удалось имъ сдѣлать только въ 1924 году.

На основніи въ его предыдущаго мы видимъ, что изданная Культурно-Просвѣтительнымъ Обществомъ имени А. Духновича въ Ужгородѣ „Грамматика“, является грамматикой русского литературного языка Подкарпатской Руси въ томъ видѣ, какой онъ получилъ въ произведеніяхъ карпато-русскихъ писателей второй половины 19 вѣка и первыхъ десятилетій 20-го вѣка.

II.

Перейдемъ теперь къ самой „Грамматикѣ“, изданіемъ которой Подкарпатская Русь обязана „Культурно-Просвѣтительному Обществу имени А. Духновича въ Ужгородѣ“.

Новая „Грамматика русского языка“ является, какъ заявляєтъ ея предисловіе, грамматикой русского литературного языка въ его письменномъ употребленіи. Это вполнѣ правильно, такъ какъ именно письменный видъ литературного русского языка является единственнымъ для всѣхъ частей русского народа, между тѣмъ какъ устное употребленіе его, т. е. произношеніе написанного, нѣсколько разнообразится въ разныхъ частяхъ русской земли, раскинувшейся на 8 000 километровъ съ запада на востокъ и на 3000 километровъ съ юга на сѣвера и не одинаково даже въ самой Великороссіи.

Предназнач ять для употребленія главнымъ образомъ въ Подкарпатской Руси, она обращаетъ въ необходимыхъ случаяхъ вниманіе на особенности устной рѣчи Подкарпатской Руси, возникшія въ ней самостоятельно или подъ вліяніемъ польскаго, словацкаго, мадьярскаго и румынского языковъ: произношеніе ѿ (стр. 21 и 22); измененіе о, е въ закрытыхъ слогахъ (23); произношеніе ц и ч, отвердѣніе согласныхъ передъ е, и, ѿ (23); сохраненіе звательныхъ формъ (37); переходное смягченіе задненебныхъ передъ ѿ въ предложномъ

падежъ един. числа (42); сораченныя формы прилагательныхъ (65); числительное „девятьдесятъ“ (67); окончаніе **ме** въ 1 л.; множ. числа глаголсвъ (82); сохраненіе давнепрошедшаго (84). окончаніе **ти** въ неопределеннѣй формѣ (85); измененіе конечного л въ у или в во второмъ причастіи прошедшаго времени (98); сохраненіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ть въ 3 л. един. и множ. чиселъ глаголовъ (115); частое употребленіе **о** въ концѣ предлоговъ (128); употребленіе творительного падежа съ предлогомъ **съ** (125) и др. Такое обращеніе вниманія на карпаторусскія особенности облегчитъ несомнѣнно учащимся усвоеніе правильной русской литературной рѣчи. Считаясь съ разнообразіемъ русского ударенія въ Подкарпатской Руси, произведеніемъ вліяніемъ чужихъ языковъ, „Грамматика“ старается внести улучшеніе и въ этой области путемъ ознакомленія съ общепринятымъ въ русскомъ литературномъ языке удареніемъ: весь текстъ ся снабженъ удареніями. Это постоянное обращеніе вниманія на мѣстные особенности и нужды въ Подкарпатской Руси представляетъ крупную особенность „Грамматики“.

Второй важной особенностью „Грамматики“ является то, что она написана въ новомъ грамматическомъ направленіи, основанномъ на трудахъ проф. А. А. Потебни, проф. Д. Н. Овсянко-Куликовскаго и другихъ нашихъ выдающихся языковѣдсвъ.

Считаясь съ практическими потребностями школы, „Грамматика“ содержитъ въ себѣ и правила историко-этимологического правописанія, твердо сохраняющагося въ Подкарпатской Руси. Но правила этого правописанія „Грамматика“ выдѣляетъ въ особые параграфы, чтобы учащіеся привыкали сразу строго отличать факты языка отъ условныхъ правилъ правописанія. Введеніе правилъ правописанія является особенностью этой „Грамматики“, такъ какъ въ грамматикахъ нового грамматического направленія эти правила обыкновенно отсутствуютъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію этой „Грамматики“.

Въ началѣ „Грамматики“ поставлена глава: „Предложеніе и его части“ (7—14 стр.). Она содержитъ первоначальная свѣдѣнія изъ синтаксиса, необходимыя при изученіи этимологии, именно свѣдѣнія о простомъ предложеніи. Определенія предложенья и его частей даются согласно новой грамматической школѣ. Напр.: „Предложеніе — такое слово или такое

соединен'є (иначе — сочетаніе) двухъ или нѣсколько словъ ихъ, которое высказываетъ какую-нибудь мысль". Эти определенія выводятся изъ цѣлаго ряда примѣровъ. Кромѣ главныхъ и второстепенныхъ частей предложенія, отмѣчаются еще служебныя части, къ которымъ отнесены предлоги и союзы. Заканчивается глава параграфомъ о знакахъ препинанія въ простомъ и слитномъ предложеніи.

Вторая глава („Слово“) излагаетъ (15—16 стр.) элементарные свѣдѣнія о словѣ и его частяхъ, необходимыя для яснаго пониманія фонетики и морфологии. Ученіе же объ образованіи словъ поставлено послѣ морфологии и образуетъ пятую главу.

Фонетика образуетъ третью главу подъ заглавіемъ: „**звуки русскаго литературнаго языка и передача ихъ на письмѣ**“ (17—29 стр.) Она распадается на дѣлъ части.

Въ первой части ея разсматриваются „**звуки русскаго литературнаго языка**“: образованія звуковъ (§ 11), дѣление звуковъ на гласные и согласные (§ 12), дѣление гласныхъ (§ 13), дѣление согласныхъ (§ 14), слоги (§ 15) и удареніе (§ 16). Эта часть изложена согласно ученію акад. Ф. Фортунатова и его школы. Звуки состоять изъ голоса и шума или изъ одного шума, распадаются на гласные (образуемые воздухомъ, свободно проходящимъ между нѣбомъ и языкомъ, и состоящіе въ наибольшей части изъ голоса и въ наименьшій изъ шума) и согласные (образуемые воздухомъ, менѣе свободно или съ трудомъ проходящимъ черезъ ротъ). По способу произношенія гласные дѣлятся на округленные (**о, у**) и неокругленные (остальные), а по мѣсту образованія на задніе (**о, у, а**), средніе (**ы**) и передніе (**э, і**). Согласные дѣлятся по своему составу на сонорные, или звучные, (**р, л, н, м**) и шумные (остальные). Шумные подраздѣляются по составу на звонкіе и глухіе; по способу образованія на длительные (фрикативные) и мгновенные, взрывные; по мѣсту образованія на задніе (задненебныe: (**г=h** и **х**, **г=g** и **к**), средніе (средненебные: **тъ же**, но **мягкіе**, и **ј**) и передніе (зубные и губные). Сонорные согласные подраздѣляются по способу образованія на носовые и неноносовые (плавные). Дѣление гласныхъ и согласныхъ представлено также въ соотвѣтствующихъ таблицахъ. Дается также понятіе о слитныхъ согласныхъ и объ отличіи согласного **ј** отъ ослабленного гласнаго **і**. Въ параграфѣ съ удареніемъ отмѣчается, что сложное слово можетъ имѣть нѣ-

сколько удареній, причемъ одно главное, а другія второстепенныя.

Въ второй части третьей главы разсматривается „передача звуковъ на письмѣ“: буквы, алфавитъ, значеніе отдѣльныхъ буквъ (§ 17); обозначеніе на письмѣ бѣглого е (§ 18); обозначеніе на письмѣ гласныхъ звукоў безъ ударенія и въ закрытыхъ слогахъ (§ 19); звукъ ѿ; значеніе буквъ я, е, ѿ, є, ю послѣ гласной, послѣ ъ и ѿ и въ началѣ словъ (§ 20); передача на письмѣ измѣняемыхъ въ произношениі согласныхъ звуковъ (§ 21); обозначеніе на письмѣ мягкости согласныхъ звуковъ (§ 22); обозначеніе на письмѣ твёрдости и мягкости согласныхъ ж, ш, ц, ч и щ (§ 23); обозначеніе мягкости согласныхъ при помощи буквы ѿ (§ 24). Какъ видно изъ оглавленія отдѣльныхъ параграфовъ, эта часть изложена довольно подробно. Въ то же время она изложена вполнѣ научно: проводится строгое различіе между звуками и буквами, отмѣчены особенности употребленія отдѣльныхъ буквъ, способность извѣтныхъ согласныхъ быть твердыми и мягкими, обозначеніе ихъ мягкости и твердости, употребленіе въ языкѣ звука ѿ и его обозначеніе, обозначеніе измѣняемыхъ въ произношениі гласныхъ и согласныхъ. Можно бы только пожелать, чтобы рассматриваемые буквы были для большей наглядности напечатаны не курсивомъ, а чернымъ шрифтомъ, какъ это сдѣлано въ послѣдующихъ главахъ.

Морфологія образуетъ четвертую главу подъ заглавіемъ „Разряды словъ по способности измѣняться и по значенію. Части рѣчи“. Уже объемъ (30—135 стр.) этой главы показываетъ, что морфология изложена достаточно подробно.

Согласно учению новой грамматической школы, слова дѣлятся по своей способности измѣняться на измѣняемыя и неизмѣняемыя, а измѣняемыя въ свою очередь подраздѣляются на три группы въ зависимости отъ трехъ видовъ измѣненій: измѣненіе по падежамъ (склоненіе), измѣненіе по родамъ, измѣненіе по лицамъ (спраженіе), причемъ все измѣняемыя слова имѣютъ способность измѣняться также и по числамъ. Далѣе слѣдовато бы, согласно новой грамматической школѣ, разсмотрѣть отдельно 1) слова, измѣняемыя по падежамъ, 2) слова, измѣняемыя по родамъ, 3) слова, измѣняемыя по лицамъ, а затѣмъ уже прейти къ неизмѣняемымъ словамъ, уничтожая такимъ образомъ традиціонное дѣленіе на девять частей рѣчи. Но авторъ не рѣшился пойти на это. Дѣйстви-

тельно, это было бы черезчуръ большимъ новшествомъ въ Подкарпатской Руси, привыкшей къ старому дѣленію на девять частей рѣчи, которое поддерживается грамматиками другихъ языковъ. Кромъ того, такое разсмотрѣніе словъ исключительно по формѣ еще не проведено ни въ одной грамматикѣ нового грамматического направления. Поэтому авторъ, оставляя традиціонное дѣленіе словъ по значенію на части рѣчи, сейчасъ же указываетъ, что изъ этихъ частей рѣчи имѣютъ 1) измѣненіе по падежамъ имена существительныя, нѣкоторыя имена числительныя и нѣкоторыя мѣстоименія; 2) измѣненіе по родамъ — имена прилагательныя, нѣкоторыя имена числительныя и нѣкоторыя мѣстоименія; 3) измѣненіе по лицамъ — глаголы. Слѣдовательно измѣняется пять частей рѣчи (имена существительныя, прилагательныя, числительныя, мѣстоимѣнія и глаголы), а не измѣняются четыре (нарѣчія, предлоги, союзы и междุมетія).

Определеніе частей рѣчи дается тамъ, где это возможно, прежде всего на основаніи формы: Имя существительное есть такое слово, которое склоняется и обозначаетъ (иначе: называетъ, именуетъ) предметъ (33); Слово, измѣняющееся по падежамъ (подобно существительному) и по тремъ родамъ (чего не знаетъ существительное) и обозначающее признакъ предмета, называется именемъ прилагательнымъ (54); Спрягаемое слово, обозначающее состояніе, измѣненіе состоянія или дѣйствіе предмета, называется глаголомъ (82). Тамъ, где это невозможно (при числительныхъ и мѣстоименіяхъ), дается определеніе по значенію, но указывается также дѣленіе по формѣ (на имена существительныя и прилагательныя).

Такъ какъ падежами называются формы, выражающія различные отношенія между предметами, то падежей устанавливается всего шесть. Форма, въ которой ставится имя предмета, къ коему обращаются съ рѣчью, называется звателной формой, а не падежомъ (37). Склоненій устанавливается четыре: 1) къ первому относится существительные мужскаго рода и окончаніями тъ, ь, ѹ и средняго рода съ окончаніями о, е; 2) ко второму существительные женского и мужскаго родовъ съ окончаніями а, я; 3) къ третьему — существительные женского и два мужескаго рода съ окончаніемъ ъ въ именительномъ съ окончаніемъ и въ родительномъ падежѣ; 4) къ четвертому — существительные средняго рода съ окончаніемъ я въ именительномъ падежѣ и съ удлиненіемъ

основы на одинъ слогъ въ косвенныхъ падежахъ (и я, имени). Большое число существительныхъ, измѣняющихся теперь по первому склоненію, и особенности этого склоненія въ нѣкоторыхъ падежахъ объясняются исторически, т. е. тѣмъ, что въ это склоненіе перешли имена, измѣнившіяся ранѣе по другимъ склоненіямъ. Точно также исторически объясняется число именъ, измѣняющихся по третьему склоненію, и особенности его въ нѣкоторыхъ падежахъ. Особенности употребленія и склоненія краткихъ прилагательныхъ объясняются также исторически (63).

Въ отдѣлѣ о числительномъ подробно перечисляются числительная количественная и порядковая; дается склоненіе большого числа числительныхъ не только количественныхъ, порядковыхъ и собирательныхъ, но и дробныхъ, и указываются особенности соединенія числительныхъ съ существительными. Указаніе этихъ особенностей будетъ очень полезно въ школахъ Подкарпатской Руси, сильно уже привыкшей къ мадьярскому счету. Въ этомъ отдѣлѣ слѣдовало бы предостеречь учащихся также отъ излишняго употребленія числительного „одинъ“ передъ другими частями рѣчи: „одинъ отецъ“, „одна мать“ вместо „отецъ“, „мать“; „одинъ сорокъ“ вм. „сорокъ“.

Въ отдѣлѣ о мѣстоименіи обращаетъ на себя вниманіе то, что авторъ считаетъ слова „сколько“, „столько“ и „нѣсколько“ мѣстоименіями въ томъ случаѣ, когда они склоняются по образцу числительныхъ собирательныхъ (76).

Въ отдѣлѣ о глаголѣ обращаетъ на себя вниманіе то, что авторъ различаетъ не только дѣйствіе (рубить) и состояніе (сидѣть), но также измѣненіе состоянія (т. є. переходъ изъ одного состоянія въ другое): потѣгъ, умирать. Формы глагола дѣлятся на личныя и именныя. Къ именнымъ формамъ относится теперь причастіе, а ранѣе относились также дѣепричастіе и неопределенная форма. Подробно и ясно изложены „Основы глагола и ихъ образованіе“ (§ 74), „Первое и второе спряженія“ (§ 75), „Наклоненія“ (§ 76), „Виды законченности и кратности состоянія, измѣненія состоянія и дѣйствія“ (§ 77).

Запутаннаго обычно ученія о залогахъ въ этой грамматикѣ нѣть. Слѣдуя акад. Ф. Фортунатову, авторъ различаетъ три формы спряженія глаголовъ: 1) формы спряженія безъ добавленія частицы ся, 2) формы спряженія съ частицей ся и 3) сложныя формы спряженія, причемъ указываетъ, ка-

кіє глаголы могутъ имѣть тѣ или другія формы (§ 78). Въ особомъ (79) параграфѣ выясняется, какъ измѣняется значеніе глаголовъ, обозначающихъ переходное дѣйствіе и имѣющіхъ при себѣ дополненіе въ винительномъ падежѣ безъ предлога, въ томъ случаѣ, если они образуютъ формы спряженія съ частицей ся: возвратное значеніе, взаимно-переходное дѣйствіе, направленіе дѣйствія, обратное обычному. Въ параграфѣ о сложныхъ формахъ спряженія (§ 80) выясняется составъ эихъ формъ и указывается измѣненіе обычнаго направленія дѣйствія въ обратное (отецъ воспитывалъ сына; сынъ былъ воспитываемъ отцомъ).

Особый параграфъ (§ 81) посвященъ причастіямъ, которыя сообразно тремъ формамъ спряженія бываютъ тройкія: безъ частицы ся, съ частицей ся и исчезнувшаго страдательного залога. Исходя изъ того, что страдательные причастія прошедшаго времени отъ глаголовъ законченного дѣйствія имѣютъ всѣ свойства прилагательныхъ, авторъ признаетъ существованіе и настоящаго времени въ сложной формѣ спряженія отъ глаголовъ законченного дѣйствія: я узnanъ, я воспитанъ (= я есть узnanъ, я есть воспитанъ).

Познакомивъ въ особой таблицѣ со всѣми тремя формами спряженія глагола первого спряженія „собирать“, авторъ указываетъ, что по первому спряженію измѣняется большая часть глаголовъ русскаго языка, дѣлить всѣ глаголы первого спряженія на шесть классовъ въ зависимости отъ способа образованіе основы неопределенной формы изъ глагольной основы и указываетъ образованіе основы неопределенной формы и основы настоящаго времени у глаголовъ каждого класса. Въ концѣ параграфа отмѣчаются особенности въ образованіи формъ отъ глаголовъ „резѣть“, „идти“, „ѣхать“.

Приведя въ особой таблицѣ формы спряженія глагола второго спряженія „хвалить“, авторъ дѣлить затѣмъ всѣ глаголы этого спряженія на три класса и указываетъ образованіе основы неопределенной формы и основы настоящаго времени, а также особенности въ образованіи формъ отъ глаголовъ „гнать“, „спать“ и „бѣжать“ (§ 86).

Отдѣль о нарѣчіи изложенъ довольно обстоятельно (116—124 стр.). Въ него входитъ — определеніе понятія „нарѣчіе“, раздѣленіе нарѣчій по значенію, происхожденіе нарѣчій, составъ нарѣчій и правописанія нарѣчій. Здѣсь мы находимъ такое определеніе нарѣчія: Неизмѣняемыя слова,

обозначаючія 1) признакъ признака, выраженного прилагательнымъ, 2) признакъ состоянія, измѣненія состоянія и дѣйствів и 3) обстоятельства, при которыхъ совершается състояніе, измененіе состоянія или дѣйствіе, называются нарѣчіями. Параграфы о происхожденіи и правописаніи нарѣчій изложены обстоятельно, что очень важно при изученіи правописанія.

Въ стдѣлѣ о предлогѣ (124 – 129 стр.) обращаетъ на себя вниманіе опредѣленіе предлога: Неизмѣняемыя слова, не имѣющія самостоятельного значенія, стоящія обыкновенно передъ косвенными падежами и только помогающія имъ выражать отношеніе къ какому-нибудь предмету другого предмета или же состоянія, измѣненія состоянія и дѣйствія другого предмета, называются предлогами. Обращаютъ на себя вниманіе также параграфы о расширеніи употребленія предлоговъ (§ 94) и о правописаніи предлоговъ (§ 100), въ которыхъ отмѣчаются неправильность литературной рѣчи въ устахъ карпато-россовъ.

Довольно полно изложенъ и отдѣль о союзѣ (129 – 134 стр.). Здѣсь мы имѣемъ такое опредѣленіе союзовъ: Неизмѣняемыя слова, не имѣющія самостоятельного значенія, а только соединяющія между собою одинаковыя части (члены) предложенийъ или цѣлья предложенийъ, не измѣняя ихъ формы, называются союзами. Ясно и подробно изложено отличіе союзовъ и союзныхъ словъ отъ мѣстоименій и нарѣчій и правописаніе союзовъ.

Огдѣль о междометіи, изложенный кратко (134 – 135 стр.), заключаетъ собою главу о разрядахъ словъ.

Въ пятой главѣ (136 – 147 стр.) помѣщено „Образованіе словъ“. Здѣсь рассматриваются — образованіе новыхъ словъ (§ 111); измѣненія въ корнѣ: чередованіе гласныхъ, чередование и исчезновеніе согласныхъ, чередованіе и исчезновеніе гласныхъ и согласныхъ (§ 112); образованіе простыхъ словъ: слова производныя и кореевыя, суффиксы и приставки, суффиксы именъ существительныхъ, именъ прилагательныхъ, мѣстоименій, глаголовъ, нарѣчій (§ 113); образованіе сложныхъ словъ (§ 114); раздѣленіе словъ простыхъ и сложныхъ при переносѣ (§ 115); употребленіе черточки (соединительнаго знака) бѣ сложныхъ словахъ (§ 116). Этотъ важный отдѣлъ изложенъ достаточно полно, ясно и научно.

Въ концѣ „Грамматики“ — два приложения: Слова съ буквой Ѣ въ корнѣ (§ 117), Большая буква въ началѣ словъ

(§ 118). Особено важенъ для школъ Подкарпатской Руси перечень словъ съ буквой Ѣ въ корнѣ, такъ какъ въ Подкарпатской Руси благодаря грамматикѣ Панкевича и читанкамъ Бирчака расшатано языковое чутье, вслѣдствіе чего учащіеся могутъ написать не только и вмѣсто Ѣ, но также Ѣ вмѣсто и и даже о, не говоря уже объ е.

Подводя итоги сказанному ранѣе, мы видимъ, что 1) изданная Обществомъ Духновича въ Ужгородѣ „Грамматика“ является грамматикой русского литературного языка Подкарпатской Руси, 2) она изложена вполнѣ научно въ новомъ грамматическомъ наиравлениі, 3) она обращаетъ въ нужныхъ случаяхъ вниманіе на особенности рѣчи Подкарпатской Руси, 4) она изложена достаточно полно и ясно, 5) она удобна въ методическомъ отношеніи, такъ какъ въ болѣе трудныхъ случаяхъ выводиши правила изъ примѣровъ и въ нужныхъ мѣстахъ помѣщаешь правила правописанія, не отлагая ихъ до конца книги.

Небольшимъ недостаткомъ этой „Грамматики“ можно было бы счесть ея объемъ (10 печатныхъ листовъ). Но этотъ нѣсколько большой объемъ ея является не недостаткомъ, а достоинствомъ ея: „Грамматика“, написана для русского населенія, занимающаго край русской земли и подверженаго постороннимъ вліяніямъ, и вслѣдствіе этого нуждается въ правилахъ и замѣчаніяхъ, излишнихъ въ грамматикахъ, написанныхъ для населенія центра Россіи. Немногія мѣста ея (напр., классификація глаголовъ), нужные для самихъ преподавателей Подкарпатской Руси, могутъ быть опущены при первомъ прохожденіи ея учениками и пройдены уже при повтореніи, или могутъ служить для справокъ въ затруднительныхъ случаяхъ.

Поэтому мы можемъ смѣло рекомендовать новую „Грамматику“ въ качествѣ учебника въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Подкарпатской Руси и пожелать ей возможно широкаго распространенія для устраненія путаницы, внесенной нѣудачной грамматикой Панкевича.

